

Морозова Ольга Владимировна

МИФ ОБ А. П. ЧЕХОВЕ В ПРОЗЕ СИМВОЛИСТОВ: РАССКАЗ ALLEGRO "ПЛЕМЯННИЦА"

В статье рассматривается символистский текст, отражающий формирование "чеховского мифа" в области поэтики, тем и мотивов, что позволяет приблизиться к пониманию того, как осуществлялось движение от реализма к символизму в истории русской литературы. Поскольку нередко расходится с художественной практикой декларируемое в мемуарах, письмах, манифестах отношение к А. П. Чехову представителей литературы Серебряного века, внимание автор сосредотачивает на художественном произведении - рассказе П. С. Соловьевой (Allegro) "Племянница". Данное произведение вводится в научный оборот впервые.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/31.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. III. С. 130-133. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматривается символистский текст, отражающий формирование «чеховского мифа» в области поэтики, тем и мотивов, что позволяет приблизиться к пониманию того, как осуществлялось движение от реализма к символизму в истории русской литературы. Поскольку нередко расходится с художественной практикой декларируемое в мемуарах, письмах, манифестах отношение к А. П. Чехову представителей литературы Серебряного века, внимание автор сосредотачивает на художественном произведении – рассказе П. С. Соловьевой (Allegro) «Племянница». Данное произведение вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова и фразы: Серебряный век; литературная репутация; «чеховский миф»; символизм; реализм; поэтика.

Морозова Ольга Владимировна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

olge1988@list.ru

**МИФ ОБ А. П. ЧЕХОВЕ В ПРОЗЕ СИМВОЛИСТОВ:
РАССКАЗ ALLEGRO «ПЛЕМЯННИЦА»©**

На рубеже XIX-XX веков, когда в искусстве и литературе сильны были жизнотворческие тенденции, решающее значение в восприятии творчества того или иного автора имела литературная репутация. Литературная репутация – это, по определению А. И. Рейтблата, «представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части ее участников (критики, литераторы, издатели, книготорговцы, педагоги, читатели). Литературная репутация в свернутом виде содержит характеристику и оценку творчества и литературно-общественного поведения писателя» [7, с. 51]. Было так и с А. П. Чеховым, который, как известно, долго воспринимался и профессиональными критиками, и рядовыми читателями как «пессимист», «последний певец разлагающихся мелочей», «хмурых людей» и «сумеречных настроений». Подобные трактовки вызвали негодование писателя: «– Покорно вас благодарю! Напишут о ком-нибудь тысячу строк, а внизу прибавят: “А вот еще есть писатель Чехов: нытик...” А какой я нытик? Какой я “хмурый человек”, какая я “холодная кровь”, как называют меня критики? Какой я “пессимист”? Ведь из моих вещей самый любимый мой рассказ – “Студент”. И слово-то противное: “пессимист”...» [2, с. 514-515]; и нередко препятствовали правильному, непредвзятому восприятию его произведений. Постепенно оформляясь, все прочнее закрепляясь в сознании читательской аудитории, «чеховский миф» [3] – набор устойчивых ассоциаций, основных характеристик личности и творчества, биографии и взглядов писателя. Примечательно, что во многом формированию «чеховского мифа» содействовали символисты (прежде всего, З. Н. Гиппиус), отношение которых к Чехову было сложным: так, А. Белый называл писателя «предтечей символистов», но зачастую представители данного направления, как и других течений Серебряного века, декларировали отказ, неприятие Чехова и его творчества. Однако, несмотря на нелицеприятное отношение к А. П. Чехову, провозглашаемое в письмах, мемуарах, дневниках, в области художественной практики символисты много переняли у писателя.

В статье рассматривается одно из художественных произведений, отражающих формирование «чеховского мифа» в области поэтики, тем и мотивов – опубликованный в майском номере журнала «Новый путь» за 1903 г. рассказ П. С. Соловьевой (Allegro) «Племянница» [9].

Согласно сюжету, молодой человек, магистр, подающий большие надежды и готовящийся к защите диссертации, завязывает теплые дружеские отношения с семьей Кожиных, которая состоит из «почтенного старика» Петра Петровича Кожина и его племянницы Катерины Павловны, которую почему-то все называют просто «племянницей». Набор действующих в произведении лиц не может не вызвать ассоциаций с «Черным монахом» А. П. Чехова, где действуют магистр Андрей Васильич Коврин и семья Песоцких – Егор Семенович и его дочь Таня [8, т. 8, с. 226-257]. Кроме того, можно предположить также, что П. С. Соловьева отсылает своего читателя еще к одному чеховскому рассказу – к «Июнычу». Так, Петр Петрович Кожин – человек веселого нрава, общительный, жесты его нередко подчеркнуты театральны: «Сияет, как праздничный самовар» [9, с. 83], «встретил меня с распростертыми объятиями»; «– Вот, познакомьтесь! – весело закричал старик Кожин, подталкивая меня в спину по направлению к самовару» [Там же, с. 84] (курсив автора – О. М.) и т.д. Такая манера поведения героя заставляет вспомнить чеховского Ивана Петровича Туркина: «Он знал много анекдотов, шарад, поговорок, любил шутить и острить, и всегда у него было такое выражение, что нельзя было понять, шутит он или говорит серьезно» [8, т. 10, с. 24] (курсив автора – О. М.).

«Я стал бывать у Кожиных. Эти посещения превратились для меня в привычку, без которой было трудно обходиться. Меня так и тянуло из моей одинокой и не совсем опрятной холостой квартиры в тихий переулок, где, в глубине одного из дворов, находилась квартира Кожиных» [9, с. 83-84]. Точно так же и Дмитрию

Ионычу Старцеву в начале рассказа приходится по душе атмосфера дома Туркиных: «В мягких, глубоких креслах было покойно, огни мигали так ласково в сумерках гостиной; и теперь, в летний вечер, когда долетали с улицы голоса, смех и потягивало со двора сиренью, трудно было понять, как это крепчал мороз и как заходившее солнце освещало своими холодными лучами снежную равнину и путника, одиноко шедшего по дороге; <...> слушать было приятно, удобно, и в голову шли все такие хорошие, спокойные мысли, – не хотелось вставать. <...> После зимы, проведенной в Дялиже, среди больных и мужиков, сидеть в гостиной, смотреть на это молодое, изящное и, вероятно, чистое существо и слушать эти шумные, надоедливые, но все же культурные звуки, – было так приятно, так ново» [8, т. 10, с. 26-27].

К «Ионычу», где после несостоявшегося свидания с Котиком ночью на кладбище герой, в душе которого именно в этот момент происходит перелом и начинается его превращение из молодого, энергичного и способного чувствовать человека в страшного бездушного Ионыча, «сажаясь с наслаждением в коляску», думает: «Ох, не надо бы полнеть» [Там же, с. 32], отсылает нас и такая подробность рассказа *Allegro*: герой, не более Дмитрия Ионыча счастливый в любви (только не состоял на предложения Старцева Котик ответила отказом, то объяснение героев в «Племяннице» вовсе не состоялось, так как незадачливый жених слишком долго колебался, раздумывая одновременно о точной формулировке главной фразы, которую предостало произнести, и... о форме носа возобновленной. В результате племянница вышла замуж за другого человека, и в данном фрагменте герой вынужден объясняться уже с замужней женщиной), пережив прекрасный порыв: «Я должен был предложить ей развестись с ним и выйти за меня» [9, с. 103], признается далее: «Меня очень обрадовала собственная благородная решимость. <...> Обдумав это, я успокоился, и мне захотелось спать» [Там же].

Значительно больше отсылок мы обнаруживаем в рассказе *Allegro* к «Черному монаху». Следует сказать, что если в самом начале рассказа Петр Петрович Кожин ассоциируется у читателя с Иваном Петровичем Туркиным, то в ходе развития действия присущие герою изначально шутовские черты сглаживаются, мы видим его искреннюю заботу и переживания за судьбу племянницы Катерины Павловны. О герое, каким он предстает в подобных сценах, можно было бы сказать словами Коврина, дающего характеристику своему тестю, Егору Семенычу: «Он не добрый, а добродушный. Водевильные дядюшки, вроде твоего отца, с сытыми добродушными физиономиями, необыкновенно хлебосольные и чудаковатые, когда-то умиляли меня и смешили и в повестях, и в водевилях, и в жизни...» [8, т. 8, с. 253].

Главных героев «Черного монаха» и «Племянницы» сближает, помимо увлечения наукой, степени магистра и круга общения (пожилой человек и его близкая родственница – дочь либо племянница) то обстоятельство (впрочем, формальное), что о женитьбе их обоих заставляют задуматься родные будущей невесты – Варгина у *Allegro* и Егор Семенович у Чехова: «Ну что, все свою диссертацию пишете? – проговорила, помолчав, Анна Ивановна Варгина и налила себе чаю на блюдечко. <...> Надо семьей обзавестись, чтобы было, для кого и работать» [9, с. 87]. Ср. у Чехова: «Ты ведь больше насчет философии? – Да. Читаю психологию, занимаюсь же вообще философией. – И не прискучает? – Напротив, этим только я и живу. – Ну дай бог... – проговорил Егор Семеныч, в раздумье поглаживая свои седые бакены. – Дай бог... Я за тебя очень рад... рад, братец» [8, т. 10, с. 231] <...> – «Говорю прямо: ты единственный человек, за которого я не побоюсь бы выдать дочь. Ты человек умный, с сердцем, и не дал бы погибнуть моему любимому делу. А главная причина – я тебя люблю, как сына... и горжусь тобой. Если бы у вас с Таней налаждался как-нибудь роман, то – что ж? я был бы очень рад и даже счастлив» [Там же, с. 237]. Далее следует сцена неудавшегося предложения, после которой герои (опять же, как в чеховском «Ионыче») на время расстаются.

Более любопытным и заслуживающим внимания является, на наш взгляд, другое совпадение. У героя *Allegro* есть собственный любимый мираж, общение с которым недоступно никому другому (а значит, требует если не тайны, то просто осторожности) и наполняет радостью и настоящим счастьем. Если у Коврина таким миражом является черный монах, то в «Племяннице» это призрак вымышленной героиней возлюбленной:

«Шагая по направлению к Пречистенке, я старался вообразить, какая могла быть племянница у Петра Петровича Кожина. Как только я начинал думать о ней, мне представлялась высокая худенькая блондинка в зеленом институтском платье с белой пелеринкой. И хотя я знал, что ее звали Катерина Павловна, но мысленно называл ее Олей.

Кожин встретил меня с распростертыми объятиями и прямо провел в столовую. Я был взволнован, смущен и не сразу понял, что сидевшая за самоваром особа женского пола и была племянница.

“– Вот, познакомьтесь!” – весело закричал старик Кожин, подталкивая меня в спину по направлению к самовару.

Незнакомая особа приподнялась со стула. Только тогда я понял, что передо мною находилась племянница и что в ней не было ничего общего с моею Олей. Во-первых, вместо институтского зеленого платья с белой пелеринкой, на ней было модное, темно-кирпичного цвета. <...> Во-вторых, она была, хотя высокого роста, но не худенькая, а скорее плотная. Не блондинка, а сильная брюнетка с довольно красивыми черными глазами и ровными белыми зубами. Ее лицо портил только нос, и даже не весь нос, а только кончик его, напоминавший треугольник одним углом книзу. Казалось, был нос, как нос, и вдруг кто-то взял да и приплюснул его. Кончик склонился к верхней губе и грозил, в старости, соединиться с подбородком» [9, с. 83-84].

Образ загадочной светловолосой Оли будет преследовать героя на протяжении всего развития действия произведения. Всякий раз, думая о «племяннице», юноша будет представлять себе именно ту девушку, которую создало его воображение и мечтать неизменно именно о ней. «Они (туристы – прим. автора – О. М.) шли в горы потому, что, приехав в Швейцарию, надо осматривать красивые места, а я... я шел на любовное

свидание. Этим туристам, конечно, *казалось, что я был один, да при них я и шел одиноко*, но только что сворачивал я с проложенной заботливыми людьми дорожки и начинал лезть кверху, через камни, траву и неизвестные цветы, обдававшие меня незнакомым ароматом, – тотчас же ее тонкая рука опиралась на мое плечо.

Это была она – девушка, которую я любил, племянница, незаметно для меня самого снова превратившаяся в тоненькую белокурую Олю. <...> Мы говорили; не помню, кто именно говорил: она или я. Слова были те же, что и всегда: неуклюжие, холодные и без всякого движения, но то, что мы говорили, было ясно и легко, как окружавший нас горный воздух» [Там же, с. 93-94].

Как видим, в сопоставляемых текстах немало общих элементов, однако говорить о безусловном влиянии произведений А. П. Чехова на П. С. Соловьеву (*Allegro*) – автора рассказа «Племянница» без анализа кульминационной сцены произведения писательницы, на основании только приведенных выше аллюзий и реминисценций к «Ионычу» и «Черному монаху» было бы невозможно.

Кульминационной является сцена запоздалого объяснения главного героя и Катерины Павловны. Непосредственно объяснение предвявляет следующее описание (мы приводим его полностью): «Как раз над ее головой вырезалась, заметно колеблясь, темная большая ветка пирамидального тополя. Я уже не в первый раз обращал внимание на эту ветку.

Она отделилась от дерева и своими очертаниями была очень похожа на монаха с четками в руке. Днем сходство пропадало, потому что были видны все листья и мелкие ветки, но по вечерам, когда все сливалось, получался правильный рисунок фигуры в монашеской одежде с зернами четок, спускавшимися с протянутой руки. Каждый вечер я взглядывал на монаха и здоровался с ним, как со старым знакомым. Теперь он приходился как раз над головой племянницы и чуть заметно шевелился и кивал мне. Я сидел у стола и перелистывал толстую книжку журнала. Кругом была прозрачная вечерняя тишина и по этой тишине, со стороны деревни, ползли длинные, унылые и страстные звуки песни. Долго дрожала последняя нота и неожиданно обрывалась. Точно слово и звук, дойдя до глубины души, вдруг понимали, что им не выразить того, что там, на самом дне, и сразу умирали от ужаса» [Там же, с. 102].

В чеховской повести Андрей Васильич Коврин слышит серенаду Брага о «девушке, больной воображением», которая «слышала *ночью в саду* какие-то таинственные звуки, до такой степени прекрасные и странные, что должна была признать их гармонией священной, которая нам, смертным, непонятна и потому обратно улетает в небеса» [8, т. 8, с. 233]. После этого в сознании героя возникает – Коврин и сам не знает, откуда и почему – легенда о монахе. Та же мелодия, зазвучавшая «*вдруг в нижнем этаже под балконом*» [Там же, с. 256] сопровождает последний визит призрака к умирающему профессору. «В доме опять запели, и *издали* скрипка производила впечатление человеческого голоса» [Там же, с. 234] – под эти звуки скрипки происходит первая встреча Коврина и монаха. «Когда вечерние тени стали ложиться в саду, *неясно слышались* звуки скрипки, поющие голоса, и это напомнило ему про черного монаха» [Там же, с. 241] – вновь звучание музыки знаменует встречу и первую беседу героя с призраком (*курсив автора – О. М.*).

Появление монаха не всегда сопровождалось пением или звуками скрипки: галлюцинация могла возникнуть у героя, например, во время обеда – тогда «Коврин обрадовался и очень ловко завел разговор с Егором Семенычем и с Таней о том, что могло быть интересно для монаха; черный гость слушал и приветливо кивал головой» [Там же, с. 247], и очередная беседа Коврина с невидимым визитером «в одну из длинных зимних ночей» [Там же] окончательно развеяла сомнения Тани в том, что ее муж болен. Однако нетрудно убедиться в том, что раздающаяся *в тишине, уныло* доносящаяся откуда-то *издалека* мелодия является лейтмотивом и маркирует в повести Чехова наиболее важные моменты появления черного монаха.

Таким образом, в рассказе *Allegro* содержится явная отсылка к чеховскому тексту: «Кругом была прозрачная вечерняя *тишина* и по этой тишине, *со стороны деревни*, ползли *длинные, унылые и страстные* звуки песни» [9, с. 102] (*курсив автора – О. М.*). Эпитеты «длинные, унылые и страстные» вполне можно отнести и к музыке, которую слышит Коврин у Чехова. Мелодия и здесь раздается в «прозрачной вечерней тишине» и доносится «со стороны деревни» – то есть, как и в повести Чехова – *издалека*, что усиливает впечатление таинственного, мистического.

Обращает на себя внимание и ремарка в рассказе *Allegro*: монах «чуть заметно шевелился и кивал мне» (*курсив автора – О. М.*), которая также является отсылкой к чеховскому рассказу. У Чехова по отношению к монаху трижды употреблен глагол «кивать» (о символике движения см.: [5]): «Монах в черной одежде, с седою головой и черными бровями, скрестив на груди руки, пронесся мимо... Босые ноги его не касались земли. Уже пронесясь сажени на три, он оглянулся на Коврина, *кивнул* головой и улыбнулся ему ласково и в то же время лукаво» [8, т. 8, с. 234]; «приветливо *кивая* головой, этот нищий или странник бесшумно подошел к скамье и сел, и Коврин узнал в нем черного монаха» [Там же, с. 241]; «черный гость слушал и приветливо *кивал* головой» [Там же, с. 247] (*курсив автора – О. М.*).

Таким образом, в рассказе П. С. Соловьевой (*Allegro*) «Племянница» обнаруживается несомненное влияние произведений А. П. Чехова – рассказа «Ионыч» и, главное, повести «Черный монах». Портретная характеристика Катерины Павловны вызывает ассоциации с О. Л. Книппер, супругой А. П. Чехова. В пользу данного предположения свидетельствует и имя, которое герой дает своей вымышленной возлюбленной – Оля [5]. Женитьба писателя – значимая биографическая подробность, нашедшая отражение в «чеховском мифе». Обращение к «чеховским» мотивам для современников писателя – не редкость, будь то набор мотивов, которые получили на рубеже XIX-XX вв. неслестное название «чеховщины» и активно разрабатывались «декадентами» – поэтами и писателями; или мотивы, связанные с «чеховским мифом» (к 1903 г. уже оформившемуся

в основных своих чертах, хотя окончательно «миф» о писателе был сформирован уже после его смерти), мотивы «биографического» характера – примером чему могут служить воспоминания современников¹, рассказ З. Н. Гиппиус «Голубое небо» [4, с. 45-57], где прототипом героев был Чехов.

В данном же случае перед нами отсылка к двум произведениям А. П. Чехова, которые можно (как это и делает, в частности, школьная и вузовская программа курса русской литературы) считать «визитной карточкой» писателя и в которых – при внимательном чтении – можно выделить единый «герменевтический императив» [1, с. 12-13, 21-22]. И в произведении *Allegro* перед читателями вовсе не случай эпигонства (каких было особенно много), когда бездумно и с художественной точки зрения необоснованно вплетаются в ткань повествования «небо в алмазах», чайки, «в Москву!» и т.п. мотивы, позаимствованные из произведений Чехова; а напротив, попытка выстроить *диалог* с автором «Черного монаха» – повести, приковавшей к себе особое внимание символистов, равно как и читателей последующих эпох: с одной стороны, воздать дань уважения Чехову, с другой – вступить в полемику и предложить свой вариант (в котором, безусловно, обращает на себя внимание стремление неуклонно следовать принципам символизма) развития во многом сходного сюжета.

Возможно также, есть основания говорить о настоящем диалоге, возможно, в пьесе «Вишневый сад» Чехов оставил своеобразный отклик на произведение Соловьевой, включив в комедию знаменитый «звук лопнувшей струны». Ср. с кульминационной сценой рассказа *Allegro*: «Кругом была прозрачная вечерняя тишина и по этой тишине, со стороны деревни, ползли длинные, унылые и страстные звуки песни. Долго дрожала последняя нота и неожиданно обрывалась. Точно слово и звук, дойдя до глубины души, вдруг понимали, что им не выразить того, что там, на самом дне, и сразу умирали от ужаса» [9, с. 102].

Так, рассказ П. С. Соловьевой «Племянница» наглядно демонстрирует взаимодействие, переход в русской литературе XIX-XX веков от реализма (в данном случае представленному творчеством А. П. Чехова) к символизму, выразившийся в сфере художественного творчества.

Список литературы

1. Александров В. Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика. СПб., 1999. 320 с.
2. А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1960. 862 с.
3. Бондарев А. Г. Чеховский миф в современной русской поэзии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chekhoved.ru/index.php/library/dissert/58-bondarevavtoref> (дата обращения: 11.03.2014).
4. Гиппиус З. Н. Чертова кукла: Проза. Стихотворения. Статьи / сост. и примеч. В. В. Ученовой. М.: Современник, 1991.
5. Дрейфельд О. В. Воображаемый мир героя как понятие теоретической поэтики: к постановке проблемы [Электронный ресурс]. URL: www.gramota.net/materials/2/2014/7-1/16.html (дата обращения: 14.08.2014).
6. Наденна Л. В. Метафора движения и оценка [Электронный ресурс]. URL: www.gramota.net/materials/2/2011/1/30.htm (дата обращения: 14.08.2014).
7. Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 330 с.
8. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М.: Наука, 1974-1983.
9. *Allegro*. Племянница // Новый путь. СПб., 1903. № 1. С. 83-108.

MYTH OF A. P. CHEKHOV IN THE SYMBOLISTS' PROSE: THE STORY "NIECE" BY ALLEGRO

Morozova Ol'ga Vladimirovna
Kazan (Volga Region) Federal University
olge1988@list.ru

The article examines the symbolist text representing the formation of "Chekhov's myth" in the sphere of poetics, subjects and motives which allows approaching the understanding of how the development from realism to symbolism was carried out in the history of the Russian literature. As so as the declared in the memoirs, letters, manifests attitude to A. P. Chekhov of the representatives of the literature of the Silver Age is often disagrees with the artistic practice, the author focuses on a literary work – the story by P. S. Solovyova (*Allegro*) "Niece". This piece of literature is introduced into scientific use for the first time.

Key words and phrases: Silver Age; literary reputation; "Chekhov's myth"; symbolism; realism; poetics.

¹ А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература. Сборник издавался в 1947, 1951, 1954, 1960 и 1986 гг.